

О ЛАПЛАНДСКОЙ ВОЙНЕ РАССКАЗЫВАЕТ СОЛДАТ ВАФФЕН СС ЙОХАНН ФОСС

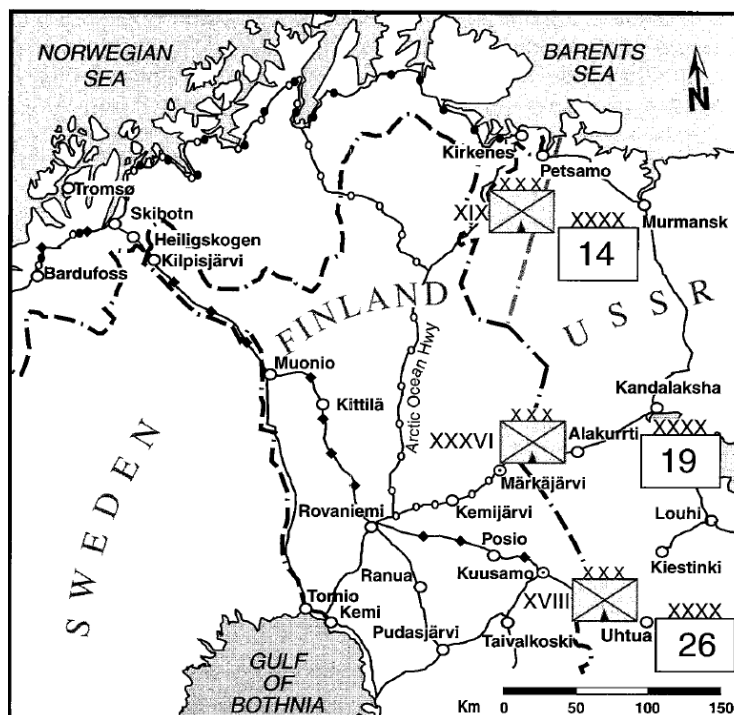
Johann Voss, 6-я Горнострелковая Дивизия/6. SS-Gebirgs-Division Nord

*После заключения перемирия между СССР и Финляндией, подписанного 19 сентября 1944 года, неожиданно для гитлеровцев финны из союзников превратились в противников. Началась так называемая Лапландская война. О нескольких ее эпизодах на страницах своей книги *Black Edelweiss: A Memoir of Combat and Conscience by a Soldier of the Waffen-SS* рассказывает солдат Ваффен СС Йоханн Фосс...*

Йоханн Фосс

В начале сентября пришли известия о том, что финны и Советы согласились на перемирие. В тот момент я был не в батальоне, а в полевом госпитале. Вскоре мы узнали, что немецкие войска должны покинуть Финляндию к 15 сентября. Это был удар. Как мы могли выбраться из Финляндии за срок, меньший чем две недели? А если не сможем? Через несколько дней еще новости: финская армия, в соответствии с условиями соглашения, должна будет изгнать немецкие войска со своей территории к этой дате. Мы не могли поверить в то, что наши братья по оружию повернут его против нас, и, как ни странно, сохранили наши дружеские чувства к финнам, как и огромное уважение к эти храбрым людям, которые в 1939 году не уступили Советам, как это сделали прибалты... В нашем отделении был сапер, раненый в руку. Он был награжден Золотым Германским Крестом – орденом, который по значимости находился между Железным Крестом 1-го Класса и Рыцарским Крестом. Он считал, что наши перспективы победить в войне стали совсем сомнительными, и говорил об этом открыто. Он считал, что для финнов вполне имеет смысл выйти из войны, раз у них есть возможность сохранить свою нацию. «Кто мы такие, чтобы винить их?» - спрашивал он.

Операция BIRKE – Отступление немецких войск из Финляндии – сентябрь-октябрь 1944 г.

- · — · — Финско-Советская граница до 15 сентября 1944 г.
- · — · — Финско-Советская граница после 15 сентября 1944 г.
- ○ ○ ○ Путь отступления 17-го Горнострелкового Корпуса (163-я и 169-я Дивизии и вспомогательные части)
- ◆ ◆ ◆ ◆ Путь отступления 19-го Горнострелкового Корпуса (6-я Дивизия SS и 7-я Горнострелковая Дивизия, Дивизионная Группа Kräutler и вспомогательные части)
- ● ● ● Путь отступления 19-го Горнострелкового Корпуса (3-я и 6-я Горнострелковые Дивизии, Дивизионная Группа Van Der Hoop и вспомогательные части)
- ⊙ Финские города, занятые советскими войсками после ухода немецких войск

В госпитале у нас была масса времени, чтобы обсудить наше будущее. Если немыслимое случится, мы будем под ударом, в особенности, наша дивизия, дислоцированная на южном фланге Лапландской Армии (20-я Горная Армия/20. Gebirgs-Armee, также - Лапландская Армия - ВК), и окажемся в опаснейшей изоляции даже от наших собственных сил в Арктике. И как мы выживем в этих таежных просторах? Допустим, мы и смогли бы прожить за счет охоты, грибов и ягод, как индейцы, однако мы понимали, что грохот боев и лязг оружия загнали всю живность глубоко в лес в недавние годы... Наше воображение не знало границ, но ни разу в наших разговорах не прозвучала мысль о капитуляции. У нас не было другого выбора, кроме продолжения борьбы, и нам предстояло каким-то образом пробиться домой...

... Бинг, сидевший на своем посту метрах в десяти от меня с пулеметом, повернулся в мою сторону, услышав мою ругань. «Что-то не так? Как сегодня твоя нога? – спросил он приглушенным голосом.» - «Да все прекрасно! Это просто моя лодыжка распухла так, что стала в два раза больше обычного, и боль ползет вверх по ноге. Голова кружится, словно я надрался... Не стоит говорить и том, что я не могу ходить.» - «Похоже, тебе нужна помощь. Дай-как я найду кого-нибудь, чтобы тебя отвели к санитару. Давай сюда, посиди за пулеметом, я скоро назад.» Он помог мне доползти до пулемета: ходить в полный рост здесь было опасно.

Когда санитар распорол мой ботинок и взглянул на лодыжку, он сказал: «Если немедленно не сделать операцию, я не гарантирую сохранность твоей ноги. В госпиталь. Сейчас же!»

С этого момента моя память затуманивается... К вечеру мы добрались до госпиталя, где доктор вскрыл опухоль и удалил большое количество гноя. Полевой госпиталь по сравнению с передовой – это информационный центр. Не прошла и неделя после того, как пришли известия о советско-финском перемирии, и мы узнали, что разработан план вывода Лапландской Армии через Финляндию на крайний север страны, где она граничит с Норвегией. Согласно этому плану, наша дивизия будет прикрывать южный фланг Армии, который будет находится под атаками советских и финских войск, растянувшись более чем на 300 км от восточного фланга фронта до Оулу. Фактически, наша дивизия будет представлять арьергард Армии во время ее марша к норвежской границе. Действуя этим образом, 11-й и 12-й полки горных стрелков будут продвигаться, попеременно опережая друг друга. Другие полки дивизии останутся в распоряжении Армии. Расстояние, которое предстояло пройти, было равно примерно 900 километрам.

Рана на моей лодыжке, будучи зашитой, быстро заживала. Полевой госпиталь активно готовился к перемещению на запад в сторону Куусамо/Kuusamo. Перед уходом я захотел навестить могилу Бергера. Сержант отправился со мной. Когда мы пришли, мы увидели, как специальный отряд с помощью тяжелой техники сносит длинные ряды березовых *рун* (см. фото ниже – ВК), чтобы уничтожить все следы того, что здесь было кладбище. Было естественным то, при отступлении разрушалось то, что могло быть использовано русскими – избы, блиндажи и т.д., но мы не были готовы увидеть то, что предстало перед нашими глазами. Наши сердца наполнились скорбью и отчаянием, и утешением могло быть только наше обещание тем, кто остался в безымянных могилах в чужой земле: вы не будете забыты...

Кладбище 6-й горной дивизии СС «Норд» (6. SS-Gebirgs-Division «Nord») в Финляндии. Очевидно, что эсэсовцы здесь ставили над могилами не кресты, а руны Y – символ дивизии Nord

<https://mihalchuk-1974.livejournal.com/232748.html>

Неделю спустя после перемирия наша дивизия переместилась со своих позиций, расположенных между северным флангом и Киестинки/Kiestinki. В темноте наш батальон выбрался из блиндажей и окопов незаметно для противника. У нас появились проблемы, когда пришла очередь нашего полка быть в арьергарде на отрезке дороги между Киестинки и Куусамо. Где-то между ними, близ дороги, находилась небольшая деревня Тукала/Tuhkalla. Русские непрерывно давили на нас, пытаясь обойти наш полк, медленно марширующий на запад растянутой колонной... Когда лес с обеих сторон дороги отступал, люди в марширующих колоннах чувствовали себя в относительной безопасности, но, большую часть времени, когда деревья и густой кустарник примыкали к дороге, люди начинали беспокоиться о том, как бы нас не обошел противник. Так или иначе, на следующую ночь после того, как я вернулся в свое отделение, русские обошли нас с фланга и заняли оборонительные позиции к западу и востоку от Тукала. Так полк был отрезан от дивизии, и, в дополнение к этому, рассечен пополам.

Оттуда, где я был, просматривались глубокий овраг с мостом на дне и дорога, поворачивающая на запад на его противоположном склоне. Где-то там, в лесу, русские заблокировали дорогу. Наши повторяющиеся атаки на их позиции не привели к прорыву: в это время полк, преимущественно, старался сбить русский заслон к востоку от Тукала, чтобы соединиться с отрезанным от нас арьергардом. По доносившемуся до нас грохоту боя мы понимали, что разогрелся серьезный бой. Прошли часы, в итоге, шум стрельбы позади нас утих. Мы узнали о том, что арьергард прорвался и воссоединился с полком. Началась подготовка к прорыву через заслон русских, расположенный западнее. На место прибыли три роты, которые перешли через овраг по мосту. Мой пулеметный расчет получил приказ занять позицию на северном конце моста. Спускаясь вниз, я увидел две счетверенные зенитные установки 20-мм калибра, которые торопливо перекидывали на другой склон оврага. Затем я увидел нашего батальонного командира в мотоциклетной коляске, отдающего приказы и орущего на людей. Хотя мы были в критической ситуации, присутствие комбата, то, что он был в поле зрения, его решительное руководство делом придавало нам уверенности в себе... Счетверенные зенитные автоматы открыли огонь по позициям русских. В это же время одна рота обошла русских с севера и ударила им во фланг, а вдоль дороги наши пошли во фронтальную атаку. Три роты атаковали одновременно, вел их в бой комбат, стреляя от бедра, как и все его солдаты, пока русские не были сбиты с их позиций. Мы незамедлительно последовали за нашими, прикрывая фланги от контратак противника, который отступил в лес. Тем временем основная часть полка начала марш на запад вслед за нами... Это был полный успех. У нас были потери: среди них трое офицеров, и, что очень жалко, два пулеметных расчета, которые оставили возле моста прикрывать наш отход и которые не смогли оторваться от противника. Это был наш последний бой против русских. Мы больше не получали приказов по замедлению продвижения противника вслед за нами и, таким образом, вышли к финско-русской границе через несколько дней...

Вспоминая время, проведенное с моим батальоном на русской территории, я не припомню не единого случая, когда честь батальона была бы чем-то замарана. Я твердо верю и в то, что это относится и к другим частям. Как и все мои товарищи, я гордился тем, что служу в этой дивизии. Я думаю, наше чувство [солдатской] чести не сильно отличалось от того, что было присуще любой другой воинской части. Мы и на русского солдата не смотрели сверху вниз, да и как мы могли после того боя у Сеннозеро/Sennozzero, когда они осуществили тот

дерзкий обходной маневр? По обе стороны сражались молодые человеческие существа, которые не хотели умирать молодыми, которые любили и были любимыми, которые хотели сделать что-то хорошее так, как они это понимали...

В КУУСАМО

... Батальон был построен на городской площади. Голос Ханзена разносился над нами: «Товарищи! Сегодня вечером мы начинаем долгий марш. Он продлится несколько месяцев, и мы не остановимся, пока не выйдем к морскому порту на арктическом побережье. Как вы знаете, капитуляция Финляндии не оставила нам выбора. Мы вынуждены покинуть страну, которую мы помогали защищать от большевизма – нашего общего врага. Восточная граница Финляндии протягивается более чем на тысячу километров. Без нас ее было бы невозможно оборонять. Несмотря ни на какие трудности, обусловленные климатом, природными условиями и нашей малочисленностью, мы устояли. Если финнам доведется остаться свободным народом, это произойдет потому, что мы сражались вместе с ними последние три года. Итак, хотя мы уходим, мы оставляем эту страну безо всякого стыда, но с гордостью за то, что было нами сделано. Как вы знаете, финны обязались применить военную силу против немецких войск, которые будут еще находиться на их территории после 15 сентября. Мы не знаем, что предпримут финны. Я не могу себе представить, что наши бывшие братья по оружию повернут его против нас, но, из предосторожности, *Армия* будет вести себя как во враждебной стране. Поэтому я говорю вам: если они решат атаковать нас, мы будем наготове...

Немцы готовятся к уходу из Лапландии (кадр из документального фильма The Lapland War. Part 6. <https://www.youtube.com/watch?v=E9NU3mclCU>)

Командование Армией решило, что два наших батальона будут прикрывать ее южный фланг. Сначала мы будем в боевой группе *Восток*, затем перейдем в арьергард армии. Мы можем гордиться возложенной на нас миссией, к которой мы готовы. С нашими горными пушками и нашими 20-миллиметровыми зенитными автоматами наша огневая мощь грандиозна. Мы уже знаем, чем может означать любое промедление из-за разгильдяйства.

Я настроен на то, что не дать этому случиться снова. Я настроен на то, чтобы привести вас домой в целостности и сохранности. Я знаю, что могу положиться на вашу храбрость и на ваше упорство, на ваш опыт и на ваши руки, на вашу веру и на вашу верность. Поэтому я знаю: мы можем это сделать.»

Он отдал батальону честь, ему ответили приветственным гулом. Он ушел, роты продолжали стоять по стойке «смирно», готовые начать марш. Позади нас топтались на месте мулы со своими забитыми грузом корзинами и тяжелым оружием, навьюченным на их спины. Было уже почти темно...

... Когда мы были на марше примерно час, я столкнулся с Хайнрихом (Heinrich). Мы редко пересекались с той поры, как я покинул госпиталь, и я рад был поговорить с ним. Мне было любопытно, что он думает о речи Ханзена, и я сказал: «Думаю, от этого стало легче на душе... Что скажешь?» - «Прекрасная речь, но насколько легче? Не знаю. Мне так не кажется. Ты имеешь представление о том, каково расстояние до ближайшего порта на арктическом побережье? Восемь или девять сотен километров. А, может, и тысяча, если, понадобится идти в обход. А что будут делать финны? Ты на самом деле разделяешь мнение комбата?» - «Откуда я знаю? Я ожидаю, что они решат так: чем меньше мы будем беспокоить их во время отступления, тем лучше будет для обеих сторон.» - «Боюсь, это благие пожелания. Говорят, за финскими частями теперь присматривают русские комиссары. То есть, представь себе, финны, находясь под таким давлением, используют свою тактику *motti* (слово из финского военного жаргона, означающее полное окружение противника – ВК) против нас. Это то, что от них хотят русские. И финны определенно знают, как воевать здесь, лучше нас.»

Я не ответил ему, и вскоре он продолжил, еще более мрачно: «Скоро пойдет снег. Потом ударят морозы. Скоро у тебя не будет крыши над головой, ни одной деревни по пути, вообще ничего, чем дальше мы уйдем на север. И финны все время будут насаждать на нас...» - «Да ладно, Хайнрих! Потом ты расскажешь, как они начнут выскакивать из леса и косить остатки Лапландской Армии, как это делали казаки, которые перебили остатки армии Наполеона зимой 1813 года. Я не верю, что они пойдут на это. Мы – это не пестрая толпа удирающих наемников, а дисциплинированная часть, мощная боевая сила с хорошим командиром. Еще какая разница, я бы сказал.» - «Ну посмотрим. Хотел бы я, чтобы ты оказался прав. По меньшей мере, ты не отрицаешь то, что испытания нас пока только ждут. И что, если мы доберемся до арктического побережья? В лучшем случае, мы погрузимся на один из войсковых транспортов. А потом что? Я тебе скажу. Нам придется пройти еще тысячу миль и что-то такое по морю, где нас будет ждать британский флот. Альтернатива – маршировать и даже не думать об этом, обо всех этих фьордах и горах в полярной ночи.» - «Вообще, я восхищаюсь твоим знанием географии. Можно подумать, что там уже побывал когда-то.» - «Нет, - сказал он, – но география всегда была моим любимым предметом в школе.» - «Любопытно, что будет потом, - сказал я, в чем-то раздраженный.» - «Я тебе скажу. Ханзен говорит, что приведет нас домой в целостности и сохранности. Давай отбросим в *сохранности* на время. Ну а потом: что нас ждет дома? Вероятно, как только мы вернемся, нас пошлют на Восточный фронт. Если повезет, это будет Западный. Если ни тот, ни другой, это будет наихудший вариант. Потому что это значит, что война будет проиграна до того, как мы вернемся домой.» - «Ну, знаешь! Твой пессимизм близок к подрыву боевого духа. Надеюсь, ты не будешь всюду и везде вести такие разговоры.» - «Мой дорогой Йоханн, я и не подумал бы говорить такое кому бы то ни было, кроме тебя. Но почему я должен утаивать от тебя то, что, вероятно, случится? Я от этого не стараюсь убежать. Среди нас есть те, кто достаточно силен, чтобы предвидеть будущее в менее радужных тонах, и они не дрогнут, когда дело пойдет так, как говорю об этом я, это те, кто нужны для того, чтобы боевой дух оставался высоким.»

На этом наш разговор был окончен. Он преподал мне небольшой урок, и я увидел, что в нем есть твердый стержень, который я раньше не замечал. Я не был уверен в том, что найду его в себе...

В конце октября батальон добрался то Киттиля/Kittila. 4 недели марша и 250 км были позади. Мы были уже за Полярным Кругом. Небольшая деревня стала местом большого перерыва в марше, но в моей памяти она стала поворотным моментом. Начиная с него, мое восприятие войны изменилось. Там я узнал о гибели Маннхарда (Mannhard) и жестоких октябрьских боях против недавних братьев по оружию на морском побережье близ Торнио/Tornio и в районе Кеми/Kemi. Рассказ о Киттиля, в этой связи, был полон грусти и чувства обреченности, это - история нарушенных обещаний и умирающей надежды.

В день нашего прибытия грузовая колонна дивизии была накануне того, чтобы продолжить марш на север. Это место было забито грузовиками, фурами и санитарными фургонами с множеством раненых. Полевой госпиталь должен был убран за несколько дней до этого, но пострадавшие в боях к югу от поселка все поступали и поступали, задерживая отправление госпиталя. Нам сказали, что транспорт прибыл только недавно и шел в объезд через шведскую территорию – это был слух, в который я не мог поверить до более поздних событий. Близ госпиталя я заметил Хервега – приятеля Маннхарда по разведбатальону. Первое, что я заметил, это его упрятанная в гипс нога между двумя костылями. Он рассказал, что был ранен близ Торнио и прибыл со многими другими пострадавшими несколько дней назад, когда госпиталь был перемещен из Рованиеми/Rovaniemi в Киттиля. Когда я спросил его о Маннхарде, он уклонился от ответа и сказал, что ему нужно идти. Я спросил, могу ли я навестить его вечером в госпитале? Поскольку Хервег так резко прервал разговор, я был встревожен. Торнио? Я помнил, что слышал это название несколько недель назад. Городок на границе со Швецией, который был отделен от шведского городка Хапаранда/Haparanda мостом через реку Торнио, впадающую в Ботнический залив. Санитар упомянул этот городок, когда мы доставили наших раненых на перевязочный пункт. В тот день русские самолеты поймали нас на дороге к северо-западу от Рованиеми, оставив после налета ужасающую сцену: раненые и убитые люди и животные в лужах крови. Пока мы ждали продолжавшие прибывать санитарные фургоны, санитар сказал нам, что финны перехватили один из наших санитарных обозов в Торнио и там продолжается бой...

Теперь я вспомнил эту информацию, которая оставила у нас столько горечи. Перехватить санитарный конвой, отрезанный от своих перед тем, как повернуть на север, – это было последнее, что мы могли ожидать от наших недавних братьев по оружию. Эта атака казалась абсолютно бессмысленной. Позднее поступила еще информация, подтвердившая предсказания Маннхарда. Сильная боевая группа финнов высадилась в Торнио в начале октября и, вместе с другими войсками, продвигалась на север, используя в бою новейшие немецкие автоматы, доставленные финнам летом в период русского наступления в Южной Карелии. Наши части тылового обеспечения были вынуждены покинуть этот район, и туда были переброшены боевые части, среди них – разведбатальон. Обе стороны в боях понесли тяжелые потери...

В нашем батальоне все мы к тому времени поняли, что финские войска теперь стали нашими врагами. Их атака на наши части, консолидирующие юго-восточный фланг отступающих войск, была только вопросом времени. Однако вместо того, чтобы уйти как можно дальше на запад, наш батальон был вынужден подстраиваться под планы *Армии* и раз за разом останавливаться на временных позициях. Оставаясь на этих позициях, мы пристально всматривались в бинокли и посылали рекогносцировочные патрули по окрестностям. До той поры финны нас не беспокоили, но у нас не пропадало чувство того, что за нами наблюдают. В конце концов, в Рованиеми мы ускользнули через мост, после чего он сразу был взорван, затем передали позиции нашим напарникам по арьергарду – другому полку - и были счастливы, что покинули район, где могло произойти большое

столкновение с финнами. В итоге, первым, кто схлестнулся с финнами, оказался 12-й Полк, что задержало его продвижение на полдня...

По дороге на Киттиля наш батальон ускорил движение, чтобы выиграть время. Нагрузка на нас увеличилась – теперь мы проходили в день, в среднем, по 30 километров. Правда и то, что мы шли налегке, неся только винтовки и автоматы, тогда как пулеметы и боеприпасы были навьючены на мулов. Погода ухудшилась, днем шел дождь, ночью примораживало. Однако зима в тот года пришла поздно. К тому моменту по дороге на Киттиля еще не выпадал снег...

Немцы, взятые финнами в плен в боях под Торнио
<https://www.pinterest.com.au/pin/425308758554382340/>

... Хервег ждал меня у входа в госпиталь. Мы прошли через узкий коридор в небольшую комнату. Слабоосвещенную карбидными лампами и забитую носилками с ранеными, между которыми сновали санитары. Хервег отвел меня в тихий угол, подвел к какому-то раненому, который сидел, повернувшись к нам спиной на деревянном ящике, и курил. Его правое плечо и рука были в гипсе. Раненый повернулся:

«Привет, Альте! Какого черта ты здесь?» - «Рад тебя видеть,» - сказал он, сдержанно, как всегда. - Я знал, что ты придешь, Хервег говорил мне. Боюсь, с моей рукой стало хуже,» - сказал он с вымученной улыбкой. «Я-то думал, что ты уже давно на пути домой,» - сказал я, усаживаясь на ящик напротив него. «Да нет, ты знаешь только часть всей истории. Потом расскажу,» - сказал он и повернулся к Хервегу.

Хервег взял пачку сигарет, предложил одну мне и вытащил одну для себя. Потом была пауза, пока он сидел, уставившись в пол и глубоко затягиваясь...

«Так что случилось?» - я нарушил молчание. - «Он погиб, Фосс. Погиб в бою под Торнио три недели назад, - сказал парень негромко. – Хотел бы я иметь более хорошие новости... Он сам в это ввязался. Конечно, потом всегда спрашивают, было ли это неизбежно. Я только могу сказать, что он сам пошел на это. Он мне сказал: давай вытащим их оттуда, это – раненые, они сами о себе позаботиться не могут. Это финны захватили конвой с

ранеными...» - «Я так понял, что он взял тебя с собой в этот рейд? Расскажи мне всю эту историю.»

«Как ты, наверное, знаешь, разведбатальон находился между Оулу и Кеми в сентябре, - начал Хервег. – В конце месяца началась буря, которая продолжалась, по меньшей мере, пару дней, и она еще не утихла, когда финны высадились в Торнио. Через пару дней их еще прибавилось, и они захватили город. До этого момента мы все еще были с финнами на довольно дружеской ноге. Насколько я знаю, местное командование в Кеми добилось того, что дороги и мосты оставались свободными для нашего отступления. Прибытие дополнительных сил финнов в Торнио полностью изменило ситуацию. Они к тому времени захватили все склады и все обозы и угнали у нас тот самый транспорт для раненых. Похоже, они еще что-то такое собирались предпринять, и что-то нужно было делать.» -

«Так ведь это был госпитальный конвой? Мы про это слышали,» - сказал я. -

«Нет, это был не он, - сказал Альте. – Мы к тому времени уже отбили конвой и собирались вот-вот уходить на север с нашими грузовиками и санитарными фургонами... Ну а так, через два дня, в составе армейской боевой группы, мы атаковали город, чтобы снова взять его в свои руки, - продолжил Хервег. – Вскоре это уже был жестокий бой: с артиллерией, огнем в упор, большими потерями у нас и у них. Финны яростно сопротивлялись, стреляли по нам из всех стволов. Мы атаковали с окружающих высот, пробились к окраине, потом стали продвигаться от дома к дому. Нам была нужна дорога на север, ее нужно было очистить. За день мы этого добились, но потери были страшными... Пришел приказ остановиться, закрепиться на достигнутом рубеже и обезопасить себя с юга. Маннхард осматривал этот южный участок через бинокль и заметил транспорт с ранеными. Немецкие машины, в основном, с красными крестами – мы видели их через просвет в лесу. Он обратил мое внимание на этот обоз, и я присмотрелся через свой собственный бинокль. Там было около десяти машин, стоявших в рощице на полуострове, где был финский плацдарм. «Что ты думаешь?» - спросил он, и, я понял, что он уже принял решение. «Хервег, - сказал он. – Отбери семерых человек прямо сейчас. Удостоверься в том, что у них у всех автоматы. Возьми один пулемет и гранаты. Как только стемнеет, мы вытащим наших оттуда.» Только молниеносный рейд мог дать возможность вызволить наших раненых. В противном случае их бы просто убрали оттуда, и парни потом оказались бы где-нибудь в лагере в Сибири. «Скорость и решительность, - сказал Маннхард. – Это наш единственный шанс.»

Мы получили разрешение на этот рейд и ушли, как только стемнело. Добрались до берега незамеченными, затем пошли вдоль леса в направлении полуострова. Мы планировали снять финских часовых и, предполагая, что машины конвоя готовы к отправке, сразу же будем прорываться к дороге. Метрах в трехстах от машин мы остановились, и Маннхард прошел вперед, чтобы получше оценить ситуацию. Я следил за ним через бинокль. Потом часовые то ли услышали шум, то ли заметили его. Взлетела сигнальная ракета, она его осветила – темную фигуру на белом песке – раздались крики, а потом почти сразу они открыли огонь: он был сражен автоматными очередями с близкого расстояния...»

«Ну а ваш пулемет не прикрыл его? – спросил я. – Вы там для этого и были.»

«Нет, мы не могли этого сделать, потому что под огонь попали бы машины. Только когда они отошли от машин, наш пулеметчик открыл огонь, но было уже поздно.»

«Так вы его там и оставили? Откуда вы узнали, что он мертв?»

«Уверяю тебя, он был убит мгновенно,» - отрезал Альте...

Но Маннхард погиб не напрасно. Альте и его товарищи перестреляли часовых, сразу же после этого врач, отвечающий за конвой, отдал водителям приказ трогаться с места, и машины рванулись в сторону моста, проскочили его и в целостности и сохранности выбрались

на дорогу. Немного позднее они уже были в безопасности в Хапаранде, на шведской стороне... Там Альте и его товарищей приняли очень тепло. Шведские доктора позаботились о раненых, самых тяжелых отправили в Норвегию на поезде. Солдатам разрешили оставить при себе оружие, машины заправили. Два шведских врача отправились в путь вместе с ними. Через несколько дней они уже были в Киттиля.

Альте был ранен позднее, где-то между Торнио и Кеми. Он рассказал, что финны атакowali их в Кеми большими силами с юга и, одновременно с этим, с прибрежных островов. Им не удалось сделать то, чего от них ожидали русские – отрезать немецкую боевую группу в этом районе и уничтожить ее. Бои с финнами были ожесточенными, с тяжелыми потерями для обеих сторон. Говорили, что Кеми остался лежать в руинах...

Когда я вернулся в свою часть, я увидел, что мои приятели пьют коньяк. Они хорошо проводили время. У них была крыша над головой и еще один день отдыха впереди. Я охотно присоединился к ним...

У ДЕРЕВНИ МУОНИО/MUONIO

Через несколько дней мы снова были в бою. Все это началось километрах в пятнадцати к югу от Муонио. Мы добрались до этого места после трехдневного марша. Деревня стоит прямо на реке Муонио, по которой проходит граница между Финляндией и Швецией. Здесь дорога от Рованиеми-Киттиля сливается с дорогой из Торнио, которая идет вдоль границы на север, от Залива до норвежского побережья. В тот момент эта дорога для нас была единственным выходом из Финляндии, и она была забита войсками, отступающими на север. Для финнов захват этого дорожного разветвления был последней возможностью осуществить крупную операцию против немецких войск на своей территории. Для обеих сторон эта развилка имела огромное значение...

В то время, однако, я не представлял себе ясную картину сложившейся ситуации и только сейчас вижу ее с помощью карты. Будучи командиром отделения, я знал лишь то, что деревню Муонио, оставшуюся позади, нужно было удерживать еще несколько дней. Поступивший к нам приказ гласил, что 12-й Горнострелковый Полк SS должен будет заблокировать с востока дорогу, идущую из Киттиля, тогда как нашему полку предстояло заблокировать с юга дорогу, ведущую из Торнио. Весь день мы смотрели, как последние части нашей боевой группы подходят по дороге из Кеми/Торнио через наши позиции. Было видно, что егерские части измотаны недавними боями. За ними следовала горная артиллерия – пушки были разобраны и навьючены на мулов. Время от времени по дороге проходили автомашины, затем прошел последний батальон нашего полка. Все эти войска продолжают свой марш ночью - на Муонио и дальше на север. Предстояло пройти еще сотни километров.

Пока мы готовили оборонительные позиции и занимали их по обе стороны дороги, расчет нашего пулемета прикрывал левый фланг батальона. «Ограничение для ведения огня справа – шведская граница,» - сказал Шапер (Schaper), указывая на голубую линию на карте, обозначающую русло реки, отправляя нас в разведку. От нас до реки было около километра через лес. Мы думали, что финны будут способны просочиться по обе стороны дороги, в том числе и через этот узкий просвет. Итак, мы пошли через лес, развернувшись в линию. Чем дальше мы шли, тем тревожнее было на душе. Лес буквально источал запах врага, который, казалось, затевал что-то где-то впереди... Однако мы дошли до берега реки, не вступив в контакт с противником, и нашли избу, которую искали. Там мы разместили пулемет. Обыскав избу, мы обнаружили, что кто-то побывал здесь совсем недавно. Мы нашли остатки еды, теплый пепел в печке, но не нашли свидетельств тому, что здесь побывали военные. Река была рядом. В нескольких метрах ниже она перекатывалась через валуны на своем пути на юг. Ширина русла была метров 300,

вероятно, река была не особенно глубокой. Вид противоположного берега был просто идиллический: маленькая деревня, выкрашенные красной краской коттеджи, белые наличники. Кое-где были видны занятые работой люди, на первый взгляд, не обращавшие на нас внимания... Когда опустилась ночь, зажглись огни, и вода засверкала. «Иисус Мария! Не могу поверить! Я почти забыл, что на свете такое существует,» - сказал Штрикер (Stricker), покачивая головой в недоумении.

Мы остались на посту, возле пулемета, и стали прислушиваться, стараясь уловить подозрительный шум... Где-то позади нас начался бой. Неожиданно, в километре за нашими позициями, поднялась оружейная стрельба: автоматы, пулеметные очереди, донеслись разрывы гранат. Сначала, когда наступила короткая пауза, мы было подумали, что тревога была ложной, но стрельба возобновилась и стала интенсивнее. Так значит финны сумели обойти на по эту сторону дороги... Прислушиваясь к стрельбе, мы пытались представить себе, что из себя представлял этот бой. Он длился около получаса, шум стал смещаться на восток и со временем утих. Мы всю ночь были начеку.

На рассвете Бинг заступил на пост около пулемета. Когда я собрался было подремать, он увидел их и ткнул меня. Напротив нас, метрах в 150, там, где река сформировала излучину, в нашу сторону шла шеренга солдат. Их было не меньше взвода, вероятно, и за ними были еще люди – подкрепления для тех, кто дрался у нас в тылу. Очевидно, они не ожидали, что мы окажемся тут, у берега. Не теряя времени, мы открыли огонь, чтобы задержать их и поднять тревогу в расположении батальона. Мы увидели, что финны бросаются на землю и, как-то с неохотой, начинают вести ответный огонь. Наша позиция была благоприятной. Мы укрывались в избе, и у нас был широкий сектор обстрела вдоль берега. Мы стреляли по всему, что двигается, и прижали их к земле. Они отошли. Разведывательный патруль из прошел мимо нашей избы и, вернувшись через полчаса, доложил, что финны исчезли и что берег пуст.

Финские солдаты стараются окружить отступающих немцев... Октябрь 1944 г.

<https://www.pinterest.com.au/pin/309763280613334410/>

Наша перестрелка разбудила людей на шведской стороне. Они собрались на берегу реки, среди них были солдаты в белых касках с биноклями. Полные любопытства, они смотрели на представление, которое, вероятно, им уже в жизни увидеть не придется. Матери прогоняли детей домой. Поскольку противник был в нашем тылу, случиться могло все, что угодно: все могло превратиться в бой не на жизнь, а на смерть, как это было под Торнио.

Вообще, ситуация стала ухудшаться. От вестового мы узнали, что обозы нашего батальона с припасами и ранеными угодили в засаду, несколько человек и животных были убиты, еще больше было раненых, и один финский батальон оседлал отрезок большой дороги между нами и Муонио. В дополнение к этим неприятностям, сильный отряд финнов, проникнувший к нам в тыл, ночью наскочил на командный пункт нашего полка. В последовавшем за этим коротком бою наш полковой командир был убит автоматной очередью. На расстоянии, с северо-востока, до нас доносился грохот артиллерии – там, мы знали, вступил в бой другой полк – наш напарник. По этим причинам настроение у нас было неважное, появилась неуверенность в том, что нам стоит оставаться на нашей позиции у реки...

Позднее, в тот же день, мы вернулись к дороге. События начали разворачиваться довольно быстро. Хайнрих был тут же, со своей пулеметной командой. Два наших пулеметных расчета незамедлительно получили приказ продвинуться по дороге на север, чтобы поддержать 13-ю Роту. Там, где дорога начинала изгибаться, мы должны были доложить о своем прибытии на командный пункт этой роты. Говорили, что финны блокировали дорогу прямо за ним. Торопливо маршируя по дороге, мы видели по обе стороны от нее множество людей из стрелковых рот, готовых к атаке. Мы прошли мимо установленных к бою минометов и приободрились, заметив замаскированные на краю леса счетверенные 20-мм зенитные автоматы. Штрикер мычал под тяжестью своего пулемета, но мы торопились вперед... Мы были совсем уже близко к повороту дороги, когда неожиданно где-то перед нами началась стрельба. Началось с огня из стрелкового оружия, затем заговорили финские минометы, разбрасывающие свои снаряды по всей округе. Мы оказались прямо посреди боя. Из-за наших спинок выскочил мотоциклист, пронесся мимо на бешеной скорости и устремился к изгибу дороги. Только тогда мы увидели, что в коляске был комбат, готовый возглавить солдат, вступивших в бой раньше, чем ожидалось. Это было то, что мы хотели видеть в последние минуты перед атакой. «Вот бесстрашный черт!» - с восхищением сказал Бинг, глядя ему вслед, когда тот мчался вперед, не обращая внимание на разрывы мин.

Мы все еще искали командира 13-й Роты, когда комбат вернулся назад. «Пулеметы на позицию, вон там! – прокричал он, поднявшись в мотоциклетной коляске и показывая на канавы по обе стороны от дороги. – И прикройте счетверенную установку, как только она появится!»

Мы поторопились к изгибу дороги. Как только мы установили наш пулемет, подошла машина со счетверенной зениткой. Она заняла позицию посреди дороги. Хорошо видимая, на открытом пространстве, она теперь стала простой целью для финских пулеметов, и защищал ее только броневой щит. Уже через мгновение машину осыпали пулеметные очереди. Теперь мы разглядели позиции финских пулеметчиков по дульным вспышкам и трассам очередей и открыли по ним огонь. В этот же момент зенитка тоже вступила в бой

– стрелок, сидя в кресле, легко поворачивал установку, посылая убийственные короткие очереди по разным целям.

Затем мы увидели, как парни из первой волны атакующих пошли вперед вдоль кромки леса, стреляя от бедра. Снова появился комбат, проехав на мотоцикле между теми, кто залег у дороги. Я слышал, как он орал: «Парни, мы в деле! А ну давайте! Дадим им жару!» Вслед за этим, в короткой атаке, батальон пошел в прорыв, сметая все на своем пути на отрезке дороги длиной в один километр... Мы сняли пулемет с сошек, выбрались из канавы и побежали за остальными. Потом мы продвигались вперед с края на край дороги, поддерживая группы наших солдат, загоняющих финнов в лес, время от времени открывая огонь и расчищая дорогу основной части батальона, вырывающейся из ловушки.

Финны отошли в лес и на холмы к востоку от дороги, тогда как те, кто был на нашей, западной стороне, перебрался через реку на шведскую сторону, подальше от опасности. Когда мы вышли к берегу реки, мы увидели, что кто-то из них плышет, а кто-то идет вброд. Да и кто обвинит их [в трусости] на этом этапе войны? Мы дали им возможность уйти восвояси...

На пути в Муонио мы прошли то место, где наши обозы утром попали в засаду. Ну и каша... Разбитые машины и фургоны, мертвые мулы. наших раненых вывезли, убитые лежали на телегах, на которых их должны были отвезти в сторону и похоронить должным образом.

К ночи мы добрались до Муонио, но не могли задерживаться там. Финская артиллерия преследовала нас огнем и обстреливала сам городок. Мы стали лагерем близ реки. Наши походные кухни сварили нам гороховый суп со шпигом - ну и пиршество было! На следующее утро нас снова поставили в арьергард и разместили на позициях у самого края деревни. Нам предстояло удерживать оборонительную линию до темноты. Хайнрих появился у нас, чтобы потрепаться. Он пересекся до этого с вестовым, и у него были новости. 12-й Полк тоже был в бою со сходным сценарием: сначала противник атаковал командный пункт полка, затем арьергардный батальон попал в окружение. Им тоже пришлось прорываться с боем, и потери у них были серьезные...

Перед уходом он сказал: «Давайте-ка я покажу вам кое-что. Вы просто должны это увидеть.» Его пулемет был размещен у дороги прямо рядом со знаком, указывающим на въезд в деревню. «Вот, смотрите!» - сказал он, показывая на столб. Я увидел несколько финских медалей, приколотых к дорожному знаку, а над словом *MUONIO* были черной краской намалеваны слова *Das war...* (*Это было...*). Увидев на моем лице непонимание, он пояснил. Сначала комбат приколотил к знаку свои финские награды, его офицеры последовали примеру. Когда он оказался там, где финны атаковали из засады наши обозы, он увидел, как спасают раненых, и трупы солдат-ездовых. Большинство их было убито из засады: они не успели сдернуть с плеч винтовки. От этой сцены он пришел в бешенство и стал думать, как отомстить. Ну а что они еще могли сделать, кроме того, что уничтожить, спалить все то, что там осталось? Закончилось все ритуальным актом мести, исполненным в мрачном расположении духа для того, чтобы смягчить горечь офицера, просто убитого происшедшим, офицера, который не смог защитить своих не самых опытных солдат...

*Иронический плакат, оставленный немцами у деревни Муонио. Надпись гласит:
Спасибо вам, что не стали демонстрировать братство по оружию!*

<https://www.pinterest.com.au/pin/562668547165140017/>

В сумерках мы продолжили свой марш. Проходя через деревню, мы увидели саперов, готовившихся взорвать то, что уцелело после артобстрела. Теперь, когда финны стали нашими врагами, отступление означало следующее: лишение противника всего, что могло послужить ему базой для последующих боевых действий против арьергарда. Покинув деревню, мы пошли не по дороге, а сместились на тропу, ведущую через лес вверх на холмы, которые поднимались к востоку от дороги. Прошел слух, что силы финнов, неизвестной численности, снова устроили засаду у дороги дальше к северу. Уже в лесу, в пути мы услышали взрывы за спиной. После подъема местность стала поровнее, и мы решили передохнуть. Стоя на возвышенности, мы видели горящую деревню Муонио, от которой останется только церковь...

Деревня Ивало/Ivalo, уничтоженная немцами. Тактика «выжженной земли» применялась немцами в ходе отступления из Лапландии повсеместно...

<https://www.pinterest.com.au/pin/543739354989408956/>

Взорванный немцами мост к северу от Торнио (кадр из документального фильма *The Lapland War. Part 6.* <https://www.youtube.com/watch?v=E9NU3mclCU>)

Теперь, будучи военнопленным, я вспоминаю эту сцену. Думаю, большинство из нас горевали по этому поводу, мы были опечалены тем, что наши недавние братья по оружию нарушили данное ими слово. Мы были высокого мнения о Финляндии и ее людях, но случилось так, что они нарушили клятву верности. Мы сами ценили верность очень высоко среди других человеческих качеств, и на наших ременных пряжках были слова *Meine Ehre Heisst Treue/Моя Честь – Верность*. Но мы также видели и то, что у финнов случился конфликт интересов: если бы они отвергли условия перемирия и остались на стороне немцев, это привело бы к гибели финнов как народа, что означало бы предательство ими своих национальных интересов...

Но тогда, в начале ноября 1944 года, времени для размышлений было немного. Для нас имело значение только то, что нужно было избежать очередного окружения. Мы возобновили марш на север.

... Мороз прихватил мое лицо, в носу все замерзло. Северо-восточный ветер смел с неба несущие снег облака. Наши палатки, было их около 20, по 16 человек в каждой, были покрыты инеем. Мы расставили их перед прошедшей ночью в вырытых нами ямах в сугробах. Со стороны полевой кухни донесся шум: кто-то разводил костер, чтобы сварить кофе. Я направился туда, чтобы полюбопытствовать, какая сейчас температура. Было -36 по Цельсию, сказал мне парень. Если это было правдой, то это был абсолютный рекорд того, что мы испытали на себе к тому времени. Немного дальше я увидел какую-то массу высотой в человеческий рост. Тут до меня дошло, что это были наши мулы, простоявшие всю ночь под белыми смерзшимися попонами, плотно сбившись в круг мордой к морде. Ничто не выдавало того, что они еще живы: даже их уши были неподвижны. На меня нахлынули теплые чувства по отношению к ним. Без мулов мы бы пропали. Правы были те из нас, кто называл их «Товарищи Мулы».

На краю нашего небольшого лагеря, на фоне белого снега, можно было разглядеть фигуры часовых. Они охраняли нас, скорее, не от преследователей, а от окружавшей нас дикой природы. Прошло уже две недели с той поры, как мы оторвались от финнов: в этой безлесной пустыне у них не было шансов против нас, и, похоже, они прекратили преследование. Теперь у нас с ними был общий враг – арктическая зима. Вообще, оставалось только удивляться, что люди могут спать в таких тонких палатках, как наши... Мы погрузили наше снаряжение и припасы на наши повозки, завьючили мулов и тронулись в путь в хорошем расположении духа. Перед нами был последний отрезок дороги по финской территории длиной около 30 км. Мы знали, что наш батальон был последним, идущим по этой дороге вдоль шведской границы. Основная часть дивизии уже ушла далеко, и, вероятно, как нам хотелось думать, уже находилась в море на пути домой. Еще несколько дней, и мы тоже будем на побережье, где, надеялись мы, нас будет ждать транспортное судно. Нам ласкало слух слово Шибтон/Skibton – название маленького портового городка на побережье фьорда Люнген/Lyngen в конце нашего пути...

... Наша финская эпопея подошла к концу. За ней последовал долгий марш, после которого к уже пройденным почти 900 километрам, которые мы прошли от Сеннозеро, добавились еще 700 километров. Теперь мы проходили от 30 до 40 км каждую ночь, в темноте, и было всего несколько дней, когда мы отдыхали. Трудный марш, с голодовками, когда мы были на грани физического и психологического истощения, иногда просто приходя в отчаяние. Сам не знаю, как мы это сделали... В конце концов, я думаю, нас поддерживали боевой дух и чувство долга, которые перевешивают слабость, и убежденность в том, что наше дело – правое...

Йохан Фосс, после короткого отдыха в Дании, оказался на Западном фронте, где принял участие в боях против американцев в Вогезах, позднее оказался в плену. В конце 1946 года он был освобожден.

Финский солдат смотрит на подожженный отступающими немцами город...

<https://www.pinterest.com.au/pin/289074869823071989/?lp=true>

Применение немцами тактики «выжженной земли», фактически, было бессмысленным с военной точки зрения. Нередко пишут, что, отдавая приказ об этом, генерал-оберст Лотар Рендулич (1887-1971), командующий 20-й Армией, мстил финнам за отказ от союзнических обязательств. Гражданское население заблаговременно покинуло местность, через которую отступали немцы.

Справка из Википедии

20-я Горная Армия успешно вывела большую часть своего 200 000-ного контингента, снаряжения и техники из Лапландии. Потери сторон составили 774 человека убитыми, 262 пропавшими без вести и 2 904 ранеными у финнов, у немцев около 1 000 убитыми и около 2 000 ранеными. 1 300 немцев были взяты финнами в плен и переданы советской стороне. В Лапландии было разрушено:

- 14 900 зданий (40-46% всех построек в Лапландии)
- 470 км железных дорог
- 675 мостов
- 3 700 км телефонных и телеграфных линий

Восстановление Лапландии продолжалось до начала 1950-х, железные дороги не функционировали до 1957 года. К 1973 году саперами из земли было извлечено более 800 000 патронов, 70 000 мин и 400 000 прочих зарядов взрывчатых веществ.

В 1948 году Рендуличу в ходе судебных разбирательств, последовавших за основной фазой Нюрнбергского Процесса, были предъявлены обвинения в военных преступлениях, в том числе, и в проведении политики «выжженной земли» в Лапландии, но, в итоге, это обвинение было снято. В итоге, он получил 10-летний тюремный срок, но вышел на свободу уже в 1951 году.

https://en.wikipedia.org/wiki/Lapland_War

https://en.wikipedia.org/wiki/Lothar_Rendulic

Сокращенный перевод и компиляция фрагментов книги **Black Edelweiss: A Memoir of Combat and Conscience by a Soldier of the Waffen-SS** – Владимир Крупник

Возврат к главной странице www.warsstory.org